

ФИЛОСОФ

ИЗ

ЦИФРОВОЙ ПЕЩЕРЫ

ТЯН НЕ НУЖНЫ.
СКАЗАЛ ОН ДЕМОНУ АГОНИИ

WKPВ

WКРВ WКРВ

Философ из цифровой пещеры

<https://litres.ru/74250288>

SelfPub; 2026

Аннотация

Двадцатидвухлетний Антон искренне верил, что познал дзен. Под ником Sigma_Blade он сутками сидел в заваленной мусором студии, питался просроченной лапшой и строчил на форумах гневные манифесты о том, что «тян не нужны», а идеальная жизнь — это высокий фпс и топовая видеокарта.

Но Вселенная обладает жестоким чувством юмора. На его зов из Бездны является Эвелинн — древний демон агонии, чей плакат висит у него на стене. Она приходит, чтобы насладиться его болью, но, увидев масштабы бытовой катастрофы, меняет планы. Убить его — слишком милосердно. Настоящая демоническая попытка — это заставить инцела-мизантропа вымыть полы, купить нормальную кровать, выйти в социум и найти работу!

Сможет ли убежденный интроверт пережить столкновение с шоппингом, HR-директорами и ортопедическими матрасами? И что будет, когда холодный суккуб поймет, что чинить сломанную человеческую жизнь гораздо интереснее, чем забирать души?

Содержание

Рассказ	4
Конец ознакомительного фрагмента.	26

WКРВ

Философ из цифровой пещеры

Рассказ

Если бы у депрессии была официальная резиденция, она бы точно арендовала квартиру-студию Антона. Четырнадцать квадратных метров чистейшего, дистиллированного пофигизма, где даже пыль оседала на поверхности с каким-то обречённым, экзистенциальным вздохом. Под кроватью (вернее, под тем местом, где она должна была быть) пылевые комки, кажется, уже начали объединяться в племена и изобретать колесо.

Главным и единственным алтарём в этой обители служил компьютер. Системный блок размером с небольшой промышленный холодильник, три изогнутых монитора, словно пытающихся заключить пользователя в свои тёплые, пиксельные объятия, и клавиатура с RGB-подсветкой, пульсирующая в такт дыханию киберспортсмена. На этот алтарь ушли все деньги. Абсолютно все. Те, что откладывались на ремонт. Те, что предназначались на нормальную еду с содержанием белка выше одного процента. Те, что теоретически можно

было потратить на свидание, если бы таковое вдруг чудом нарисовалось на горизонте.

Антон не знал, каково это — спать на нормальной кровати с ортопедическим матрасом. Его ложем служил надувной шедевр китайской промышленности, который имел подлую привычку спускать воздух с трагическим шипением ровно к трём часам ночи. Просыпаться поутру с позвоночником, принявшим форму холодного бетонного пола, было его личной, суровой версией йоги.

Холодильник, величественно и громко гудящий в углу (иногда Антону казалось, что он пытается с ним заговорить азбукой Морзе), содержал внутри лишь тактический запас лапши «Доширак», банку майонеза, которая по сроку годности помнила ещё доковидные времена, и одинокую лампочку, тускло освещавшую эту гастрономическую пустыню.

Запах в студии стоял соответствующий. Это был сложный, многослойный букет: ноты перегретого текстолита, остывшего растворимого кофе, нестиранных носков и лёгкого, едва уловимого отчаяния, замаскированного хвойным ароматизатором для машин «Ёлочка», который Антон зачем-то повесил на настольную лампу. Мухи, по неосторожности залетавшие в гости через форточку, совершали круг почёта, возмущённо жужжали и вылетали обратно в форточку, предпочитая умереть на улице от выхлопных газов, чем здесь — от нервного истощения. Даже пауки в углах сплели паутину в форме знака вопроса и смотрели на Антона с укоризной.

В центре этого рукотворного хаоса, словно паук-отшельник, восседал сам хозяин. Худой, сутулый, бледный до синевы, облаченный в растянутые треники, познавшие законы гравитации во всех её проявлениях, и футболку с надписью «Я не ленивый, я в режиме энергосбережения». Его пальцы, проворные, как у пианиста-виртуоза, порхали над механическими свитчами.

Но сейчас Антон не потел в рейтинговом матче. Он не штурмовал сложный рейд в ММО. Он занимался делом куда более важным и сакральным. Он нёс Истину в массы.

Популярный анонимный имиджборд, раздел «Отношения/Советы» (если эту токсичную клоаку можно было так назвать), гудел. Антон, под ником *xX_Sigma_Ascetic_Xx*, строчил уже четвёртый пост в своём треде, и с каждым набранным словом его праведный гнев только распалялся.

«Вот вы мне объясните, братья по разуму, — стучал он по клавишам с такой силой, словно хотел пробить само цифровое днище интернета, — чем эти ваши хвалёные 3D-тянки лучше нормального железа? Серьёзно. Я вот смотрю на свою новенькую топовую видюшку, и чётко знаю: она не будет мне выносить мозг. Она будет молча, покорно и преданно выдавать мне 144 кадра в секунду на ультра-настройках! Она не спросит: «А почему ты так на ту эльфийку посмотрел?». Она не будет краситься полтора часа в ванной, чтобы мы в итоге опоздали на ивент. Она не будет пилить меня за то, что я больше внимания уделяю ей, а не... стоп,

тут немного путаюсь в метафорах, но суть вы уловили!»

Ответы не заставили себя ждать. Секта анонимных девственников-мизантропов, обитавшая в этом разделе, подтянулась моментально, как зомби на звук сработавшей автосигнализации.

«Жиза, анон! Базу выдал!» — коротко и ёмко ответил пользователь *SadButTrue_2007*.

«Тян не нужны, братюнъ. Только хардкор, только водяное охлаждение!» — добавил *OverclockerGod666*.

«У меня прошлая тянка сожрала все деньги с кредитки на свои ноготочки и шмотки. А RTX 4090 себя так не ведёт! Она, наоборот, майнить может!» — прилетел исполненный боли комментарий от *Money4Nothing*.

Антон довольно хмыкнул, отхлебнув из кружки остывший энергетик, который по цвету и консистенции больше напоминал тормозную жидкость. Он чувствовал себя гуру. Ницше цифровой эпохи. Пророком в пустыне бушующих гормонов и накладного силикона.

Он набрал побольше спёртого воздуха в лёгкие и забабахал финальный, ультимативный абзац. Тот самый, который должен был навсегда закрыть вопрос межполовых отношений в отдельно взятом сегменте интернета:

«Нет, ну вы просто вдумайтесь в эту физиологию! Это же отвратительно! Представьте: приходите вы домой после тяжёлого фарма, а на вашем любимом компьютерном кресле, на вашем законном, продавленном под вашу анато-

мию месте, сидит ВЕЧНО ХНЫКАЮЩЕЕ И ВОНЮЧЕЕ НЕЧТО! Оно постоянно там дёргается, крутится, требует то поест, то «пойдём погуляем», то «купи мне роллы»! А ещё эти их длиннющие волосы, которые потом забиваются ВЕЗДЕ. В кулерах, в клавиатуре, забивают слив в ванной, как пробка! А эти их когти? Вы видели их акриловые когти? Ими же скальп снять можно! Случайно заденет ночью — и ты труп от кровопотери! И эта мерзость, это биологическое недоразумение, будет сидеть на МОЁМ месте и требовать МОИ ресурсы? Да ни в жизнь! Никаких тьян! Наш удел — кристально чистый звук лампового усилка, холодный неоновый свет монитора и непоколебимая частота кадров! ТЯН НЕ НУЖНЫ!»

Он нажал *Enter* с чувством, сравнимым разве что с запуском баллистической ракеты. Секунда. Две. Тред взорвался экстазом. Десятки однотипных ответов с одобрением, сотни «лайков» на его тираду. «ТЯН НЕ НУЖНЫ!» — скандировали анонимы, словно племя дикарей, танцующих вокруг костра.

Антон с победной улыбкой откинулся на спинку своего старого кресла, которое скрипнуло так жалобно, будто единственное во всей квартире понимало, какую чушь он только что спорол. Он чувствовал себя победителем. Воином света в битве с хаосом эстрогена.

Он не знал, что где-то глубоко в его квартире, в пыльном углу, который он не убирал со времён покупки материнской

платы, прямо сейчас заканчивалось формирование сложнейшего демонического плетения, которое в простонародье называется «Кармическая Ответочка».

Потому что Вселенная, в отличие от инцелов с форума, обладала превосходным и очень жестоким чувством юмора. И она не любила, когда ей бросают вызов капслоком.

Утро Антона никогда не начиналось с пения птиц или бодрящего звонка будильника. Будильники — это инструмент порабощения для офисного планктона. Утро Антона начиналось с того, что надувной матрас, завершив свой ночной цикл предательства, окончательно спускал воздух, прикладывая спящего философа поясницей к холодному ламинату с глухим, безнадежным стуком.

Это был своеобразный ритуал возрождения: хруст спресованных позвонков, сдавленный стон, полный ненависти взгляд на прорезиненную ткань и первый, самый важный вопрос дня: *«Может, сегодня просто не вставать?»*.

Но ответ, как всегда, ждал его в нескольких шагах. Системный блок, работающий в режиме «никогда не спит», подмигивал ему неоновым кулером. Это был маяк в бушующем океане бессмысленности. Серверы не упали, пинг стабилен, мир внутри монитора логичен, понятен и подчиняется чётким математическим законам. В отличие от мира снаружи.

Антон кряхтя поднялся и совершил экспедицию на кухню.

Поход занимал ровно три с половиной шага, но ощущался как рейд в высокоуровневую локацию без хилера.

Холодильник встретил его запахом вечной мерзлоты и тотального уныния. Лампочка внутри мигнула, словно говоря: «Хозяин, я освещаю пустоту, отпусти меня на покой». На стеклянной полке, гордо и одиноко, лежал последний паке-тик заварной лапши со вкусом «говядина по-домашнему». Говядины в ней, разумеется, не было, зато там была вся таблица Менделеева, способная пережить ядерную зиму. Срок годности истекал сегодня в полночь.

— Значит, сегодня у нас праздничный ужин с риском для жизни, — философски хмыкнул Антон, доставая пакет.

Пока древний электрочайник, покрытый накипью времен палеолита, с надрывом кипятил воду, Антон предался утренней медитации. А именно — уставился на единственное украшение своей берлоги.

На стене, прямо над мониторами, висел огромный глянце-вый плакат с Эвелинн — демонессой из League of Legends в её классическом, угрожающе-сексуальном облике. Две ост-рые латеральные пряди теней обрамляли её точеные скулы, а алые глаза с вертикальными зрачками смотрели на зрите-ля с фирменным выражением вселенской скуки и обещания мучительной смерти.

Любой нормальный парень повесил бы такой плакат ради, скажем так, эстетических достоинств суккуба. Но только не Антон. У Антона на этот счет была подведена железобетон-

ная теоретическая база.

— Вот ты, — пробормотал он, обращаясь к демонессе и заливая лапшу кипятком. — Ты идеальная женщина. Почему? Потому что ты — эффективный ассасин. Вышла из невидимости, дала прокаст, ваншотнула вражеского стрелка, ушла в тень. Никаких лишних слов, никаких истерик, никаких «поговори со мной о наших отношениях». Чистая математика урона и идеальный контроль карты. Уважаю.

Он искренне не замечал чудовищной иронии в том, что его идеалом «беспроblemной женщины» был демон агонии, который по лору игры питается чужими страданиями, соблазняя своих жертв. Антон так боялся реальных, живых девушек с их непредсказуемыми эмоциями, что подсознательно выбрал себе в кумиры ту, чье смертоносное коварство было хотя бы прописано в патчноутах.

Плакат, разумеется, молчал. Но Антону часто казалось, особенно после бессонных ночей, что нарисованная Эвелинн смотрит на его быт с откровенной брезгливостью.

Взяв дымящуюся пластиковую плошку, он поплелся в ванную. Это было единственное место в квартире, которое он содержал в относительном порядке из-за панического страха перед черной плесенью. Антон поднял глаза к зеркалу над раковиной и замер с вилкой у рта.

На него смотрел классический NPC, выдающий квесты в стартовой деревне: бледная до синевы кожа, всклокоченные сальные волосы и красные от недосыпа глаза, под которы-

ми залегли тени такой глубины, что в них можно было прятать контрабанду. Он выглядел как ходячий аргумент против всего того образа жизни, который так яростно защищал на форумах.

На долю секунды защитные барьеры психики дрогнули. Ему стало страшно. Страшно, что ему двадцать два, а его главное достижение в жизни — это платиновый ранг и умение не моргать по три минуты в тимфайте.

Но он быстро стряхнул наваждение. Включил ледяную воду, плеснул в лицо и самоуверенно ухмыльнулся своему отражению.

— Зато я свободен, — сказал он двойнику в зеркале. — Моё время принадлежит только мне. Тяг не нужны.

Отражение молча пялилось в ответ. Если бы оно могло говорить, оно бы точно посоветовало ему сдать анализы крови. Антон щёлкнул выключателем, погрузив ванную во тьму, и вернулся к своему неоновому алтарю.

Сев в кресло, он закинул в рот безвкусную химическую лапшу, надел наушники и открыл клиент игры. Рутину должна была смыть остатки утренней хандры. Он навел курсор на кнопку «Играть», но в этот момент произошло нечто странное.

В правом нижнем углу клиента запустилась анимированная реклама нового скина Coven Evelynn (Эвелинн из Ковена). На экране темный, готический лес расступился, демонесса вышла из фиолетового тумана и плавно подняла голо-

ву.

Анимация длилась всего секунду. Но Антону внезапно показалось, что это был не пререндер. Глаза Эвелинн на мониторе — холодные, алые, нечеловеческие — сфокусировались не на абстрактном «пользователе», а прямо на нём. На Антоне. Сидящем в растянутых трениках с куском дешевой лапши на вилке.

И в этих глазах не было пикселей. В них полыхал настоящий, живой, обжигающий интерес.

В комнате резко, градусов на десять, упала температура. Кулеры системного блока взвыли и тут же затихли, словно поперхнувшись. Свет на секунду моргнул.

Антон судорожно сглотнул. Лапша застряла в горле.

— Баг анимации, — просипел он, пытаясь унять внезапную дрожь в руках. — Просто... движок лагает.

Но где-то на границе сознания, на том самом древнем уровне, где пещерные предки Антона понимали, что шорох в кустах — это саблезубый тигр, загорелась красная лампочка тревоги.

Его зона абсолютного комфорта только что дала трещину. Вселенная прочитала его дерзкий манифест на имиджборде.

И она прислала ответ.

Остаток вечера Антон провел в состоянии легкой паранойи. Он попытался сыграть еще пару матчей, но его знаменитая реакция дала сбой. Ему постоянно казалось, что в

темных участках карты — там, за туманом войны — кто-то стоит и смотрит прямо на него. В итоге, слив рейтинг и получив порцию заслуженных оскорблений от тиммейтов, он списал всё на переутомление и глутамат натрия.

В три часа ночи наступил «час быка». Время, когда истончается грань между мирами. И именно в этот момент надувной матрас Антона, верный своему графику, издал предательское «*пишиш-ш-ш*» и уронил спящего философа лопатками на жесткий ламинат.

Антон открыл глаза, ожидая увидеть привычный потолок с трещиной, похожей на профиль Бэтмена.

Но что-то пошло не так.

Во-первых, в квартире было неестественно холодно. Температура упала так резко, что при выдохе в воздухе образовывалось легкое облачко пара.

Во-вторых, запах. Привычный аромат пыли и носков исчез. Пространство заполнил густой, тяжелый, почти осязаемый запах темной вишни, дорогого парфюма и грозового озона.

И в-третьих — звук.

В абсолютной тишине комнаты, где даже системный блок перешел в спящий режим, раздавался ритмичный, медленный стук.

Цок. Цок. Цок.

Словно кто-то лениво постукивал чем-то очень острым по пластику компьютерного стола.

Антон замер. Внутренний голос, отвечающий за инстинкт самосохранения, истошно завопил, требуя притвориться мертвым. Но дрожащая рука сама потянулась к телефону, лежащему на полу. Он нащупал аппарат, разблокировал экран и включил фонарик, направив луч в сторону стола.

Луч света выхватил из темноты изящную, закинутую на ногу ногу в туфле на немыслимой шпильке.

Телефон в руке Антона задрожал так, что свет заплясал по стенам. Он медленно повел лучом выше.

На его столе, прямо поверх заляпанного коврика для мыши и распечаток с билдами, сидела *она*.

Эвелинн.

Только теперь это была не анимация на экране и не гляцевый плакат. Это была трехмерная, до одури реальная сущность. В свете фонарика её кожа отливала потусторонним бледно-фиолетовым светом. Из-за спины медленно, словно живые змеи, извивались два длинных тeneвых хлыста с острыми, как бритва, шипами на концах. Один из этих хлыстов сейчас брезгливо отодвигал в сторону пустую банку из-под энергетика.

Её алые глаза с вертикальными зрачками смотрели на Антона сверху вниз. В них не было ни гнева, ни кровожадности. В них плескалась холодная, аристократичная скука.

— Знаешь, — её голос разорвал тишину комнаты. Он был низким, бархатным и вибрирующим, проникающим прямо под ребра, минуя барабанные перепонки. — В одном из ми-

ров, где я бывала, есть правило: чтобы призвать демона, нужно начертить пентаграмму кровью девственницы на алтаре из черного мрамора. Но ты... ты переплюнул всех.

Она грациозно наклонилась вперед. Один из её длинных, заостренных акриловых когтей подцепил со стола скомканную упаковку от лапши.

— Ты просто развел такой эпический, концентрированный свинарник и сгенерировал столько агрессивного, жалкого отчаяния в интернет-пространство, что оно сработало лучше любой пентаграммы. «Тян не нужны», да?

Антон попытался вдохнуть, но легкие отказались работать. Его мозг, перегруженный невозможной визуальной информацией, выдал критическую ошибку.

— Я... я отравился... — прохрипел он, вжимаясь спиной в сдутый матрас. — Срок годности говядины... Это нейротоксин! Галлюцинация!

— Нейротоксин? — Эвелинн тихо, мелодично рассмеялась. Смех резанул по ушам, как звук точильного камня о сталь. — Милый, единственное токсичное явление в этом помещении — это твоя история браузера и запах от той корзины в углу. Я — настоящая. А вот твоя так называемая «свобода» — это галлюцинация.

Она соскользнула со стола. Её движения были лишены гравитации — она не спрыгнула, она словно перетекла в пространство, оказавшись в метре от него.

— Ты там писал что-то про «мокрое и вонючее нечто», ко-

торое сидит на твоём кресле? — она безгласно оглядела его знаменитое геймерское кресло, спинка которого была увешана нестиранными футболками. — Твое кресло, смертный, само по себе является биологическим оружием. Даже мне, демону агонии, страшно к нему прикасаться.

Антон попытался отползти, но уперся спиной в холодный радиатор батареи. Ситуация ломала все его шаблоны. Величайшая суккуба Рунтерры, чей лор строился на соблазнении и убийствах, стояла в его комнате и... отчитывала его за антисанитарию?

— Чего... чего тебе надо? — пискнул великий философ Двачевских пещер, чувствуя, как его брутальный имидж рассыпается на молекулы. — У меня нет денег! И души тоже нет, я её ещё на третьем курсе за донат в гачу продал!

Эвелинн склонила голову набок. Теневые хлысты за её спиной угрожающе щелкнули по воздуху, разрубив пополам пролетающую мимо муху. Ошметки насекомого тихо упали на пыльный линолеум. Антон судорожно сглотнул.

— Деньги? Душа? — она презрительно скривила идеальные губы. — Оставь эту мелочь себе. Я питаюсь агонией, Антон. Я прихожу туда, где концентрированная боль достигает пика. И знаешь, что самое забавное? Я ожидала найти здесь серийного маньяка или безумного диктатора. А нашла... — она обвела комнату изящным жестом когтя, — ...запущенного, испуганного мальчика, который кричит в пустоту интернета о своей независимости, потому что до одури боит-

ся, что в реальном мире его просто никто не заметит. Твоя скрытая агония одиночества была такой громкой, что у меня заложило уши.

Она присела перед ним на корточки, оказавшись на уровне его лица. Запах вишни и озона стал почти невыносимым.

— Я собиралась разорвать тебя на куски, — прошептала она, глядя прямо в его расширенные от ужаса глаза. — Но потом я увидела твой быт. И поняла, что быстрая смерть для тебя — это слишком милосердно. Нет, мой маленький форумный мизантроп. Я устрою тебе настоящую, изощренную пытку.

Она выпрямилась, её глаза вспыхнули торжествующим алым огнем.

— Я заставлю тебя жить как нормального человека, — провозгласила Эвелинн, и эхо её бархатного голоса зловеще отразилось от пустых бутылок в углу.

Антон сжался, готовясь к невыносимым мукам. Он ждал, что сейчас из-под пола вырвется адское пламя, или его душа будет вырвана из тела и брошена в котел с кипящей смолой. Адреналин ударил в кровь так сильно, что в ушах зазвенело. Он открыл рот, чтобы выкрикнуть свой последний, гордый манифест свободы...

И тут его биология сказала: «Хватит».

Двое суток без сна в попытках апнуть ранг, три литра энергетиков, просроченная лапша и шок от встречи с высшим демоном истощили его надпочечники до абсолютного

нуля. Защитные механизмы мозга, спасая психику от окончательного распада, просто дернули рубильник. Глаза Анто-на закатились, и великий философ двачевских пещер с ти-хим, позорным хрюком отключился, рухнув прямо на свой сдутый резиновый матрас.

Эвелинн замерла. Теневые хлысты за её спиной недоумен-но повисли в воздухе. Она, демон агонии, привыкла к кри-кам, к мольбам, к безумию в глазах своих жертв. Но чтобы жертва просто уснула прямо среди её угрожающей речи?

— Смертные, — презрительно фыркнула она, брезгливо пнув носком туфли его безвольную кроссовку. — Никакой выносливости. Что ж, спи, моя маленькая заготовка для ше-девра. Утро будет для тебя по-настоящему безжалостным.

Пробуждение было чудовищным.

Антон не сразу понял, что именно не так. Его спина, по обыкновению, чувствовала каждую неровность ламината. Но что-то изменилось на базовом, физическом уровне.

Во-первых, ему в лицо бил безжалостный, ослепитель-ный, термоядерный луч света. Антон застонал и попытался натянуть на голову своё старое, прожженное сигаретой оде-яло, но вместо грубой синтетики его пальцы нащупали что-то мягкое, чистое и пахнущее лавандой.

Во-вторых, он мог дышать. Оба носовых прохода функ-ционировали безупречно. Воздух был свежим, хрустящим и лишенным привычного аромата «носков с нотками безыс-

ходности».

Он резко сел, продирая слипшиеся глаза, и мир вокруг него сфокусировался, вызвав второй за сутки шок.

Квартира не просто изменилась. Она была *изнасилована* порядком.

Гора коробок из-под компьютерного железа — его гордость, его трофеи! — исчезла бесследно. Батарея пустых пластиковых бутылок, которую он копил как баррикаду против внешнего мира, испарилась. Пол, который он два года считал серым, оказался светлым дубом и сиял так, что от него отражался солнечный свет. Та самая занавеска из старой простыни была сорвана, и теперь сквозь кристально чистое окно в комнату беспрепятственно врывалось безжалостное утро.

И посреди этой стерильной, пугающей чистоты, за его компьютерным столом сидела *она*.

Только теперь это была не демонесса с фиолетовой кожей и теньвыми хлыстами. Эвелинн адаптировала свои текстуры для дневного света. На ней были стильные, облегающие темные джинсы и свободная черная рубашка, рукава которой были элегантно закатаны. Длинные волосы приобрели оттенок дорогого темного шоколада, а кожа стала безупречно-фарфоровой. Знаменитые когти исчезли, сменившись аккуратным, острым французским маникюром. Сейчас она выглядела как недосыгаемая топ-модель или владелица модного дома, которая по ошибке забрела в спальный район.

Она сидела в его кресле, закинув ногу на ногу, и лениво просматривала что-то на экране его смартфона.

— О, Спящая Красавица соизволила восстать из мертвых, — произнесла она, не отрывая взгляда от экрана. — Удивительный организм. Твой пульс во сне падал до такой отметки, что я дважды хотела пнуть тебя, чтобы проверить, не началась ли стадия разложения. Но, видимо, консерванты из твоей лапши поддерживают в тебе искру жизни.

— Моя комната... — просипел Антон, озираясь по сторонам диким взглядом. — Что ты сделала с моей комнатой?! Где мои коробки от видеокарт?! Там лежал гарантийный талон!

— Твои картонные алтари отправились туда, где им самое место — в переработку мусора, — Эвелинн заблокировала его телефон и бросила его на стол. — Я провела дефрагментацию твоего жизненного пространства. Знаешь, сколько слоев биологической угрозы мне пришлось аннигилировать? Под твоим столом я нашла кусок пиццы, который, клянусь Бездной, пытался со мной заговорить.

Антон вскочил на ноги. Внутри него бушевал праведный гнев типичного обитателя имиджборды. Вот оно! То самое подтверждение его теорий!

— Я так и знал! — выкрикнул он, потрясая кулаком. — Стоит только 3D-женщине, неважно, демону или кому еще, появиться в жизни мужчины, как она сразу начинает всё портить! Разрушать уклад! Ты уничтожила мою экосистему!

Мой порядок! Мою свободу! Вы все одинаковые: вам лишь бы всё переставить и выкинуть чужие вещи! Мой дом — мои правила!

Он кричал, размахивал руками, сыпал цитатами из своих же постов. Он играл роль обиженного, угнетенного патриарха своей четырнадцатиметровой студии, у которого отняли священное право жить в грязи.

Но была одна крошечная, подлая проблема.

Глубоко внутри, под слоями агрессии и форумных штампов, Антон чувствовал нечто совершенно иное.

Его босые ступни касались чистого, гладкого пола, и к ним не прилипали крошки. Его легкие с удовольствием вбирали свежий воздух, не фильтруя пыль. И, черт возьми, эта пугающая, невыносимо красивая женщина, сидящая в его кресле, наполнила мертвую квартиру такой сумасшедшей, вибрирующей энергией жизни, что у Антона по спине бегали мурашки.

«Господи, как же здесь круто пахнет», — предательски прошептало его подсознание. «И пол... пол реально цвета дуба. Я думал, это бетон. Как хорошо, что она выбросила те бутылки, я спотыкался об них три месяца».

Но вслух он продолжал возмущаться:

— И окна! Зачем ты открыла окна?! У меня глаза болят от ультрафиолета! Я живу в дарк-моде!

Эвелинн медленно поднялась из кресла. Она подошла к Антону так плавно, что казалось, будто она не идет, а сколь-

зит по воздуху. Остановившись вплотную, она посмотрела на него сверху вниз (даже без демонической формы она была на полголовы выше благодаря каблукам).

— Кричи громче, смертный, — её губы изогнулись в садистской, снисходительной усмешке. — Я же чувствую твою эссенцию. Ты пытаешься изображать гнев, но твоё крошечное, измученное дошираками сердечко прямо сейчас поёт от облегчения. Ты так рад, что кто-то наконец-то вычистил твою конуру, потому что самому тебе не хватало на это ни сил, ни воли.

Она изящно ткнула острым ногтем ему в грудь.

— Твоя агрессия — это просто страх. Страх того, что теперь тебе придется соответствовать этому чистому полу. И привыкай, Антон. Это только первый круг моего персонального ада для тебя. Иди умывайся. Твоя зубная щетка, кстати, была аннигилирована. Я положила новую. Если ты не почишь зубы в течение трех минут, я лично выдерну их теневым хлыстом. Время пошло.

Антон замер, тяжело дыша. Он хотел сказать что-то едкое. Что-то про «Тян не нужны». Но вместо этого его предательский организм выдал тихое, покорное:

— А паста... мятная есть?

Эвелинн удовлетворенно хмыкнула. Пытка нормальной жизнью началась успешно.

Новая зубная щетка оказалась пугающе жесткой, а мятная

паста обожгла десны, отвыкшие от такого агрессивного ухода. Умываясь над раковиной, которая впервые за три года обрела первозданный белый цвет, Антон чувствовал себя так, словно с него заживо снимают старую, привычную чешую.

Когда он, шаркая босыми ногами, выполз на кухню, его ждал новый визуальный удар.

Многовековой слой жира над плитой, который Антон ласково называл «кухонным сталактитом», был аннигилирован. Древняя чугунная сковорода, которую он использовал как подставку под кружки, сияла чистым металлом. А за крошечным кухонным столиком, который Эвелинн неизвестно откуда откопала и отмыла до блеска, его ждало главное испытание.

Демонесса грациозно опиралась бедром о столешницу. Перед ней, на столе, стояла тарелка. От неё исходил пар.

Антон подошел ближе, вытянув шею. Он смотрел на содержимое тарелки с таким же выражением лица, с каким сапер разглядывает сложную самодельную бомбу. Там лежала какая-то коричневая зернистая субстанция, а сверху медленно, истекая золотистыми каплями, таял солидный шматок сливочного масла.

— Это... патч с новыми текстурами для лапши? — подозрительно спросил Антон. — Почему оно не неоновое-оранжевое?

— Это гречка, смертный, — Эвелинн скрестила руки под грудью, и ткань её черной рубашки соблазнительно на-

тянулась, но взгляд её оставался холодным, как ледник во Фрельйорде. — Базовый углевод. Её ели твои предки. На ней выросли целые цивилизации. Она не светится в темноте, не вызывает мутации ДНК и, в отличие от твоих порошковых зелий, в ней есть настоящая пищевая ценность. Садись. Ешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.